

фической комиссии АН СССР. С кратким заключительным докладом выступил председатель проблемного объединения А. В. Камкин (Вологда), который подвел итоги работы за год большого коллектива исследователей северного региона.

А. А. Куратов

© 1992 г., ЭО, № 4

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

28—30 января 1992 г. в Научно-исследовательском ин-те «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» РАН проходил научный симпозиум «Памятники письменности как этнографический источник», организованный Отделом общей этнографии.

Цель симпозиума — выявление информационных ресурсов разных видов памятников письменности и оптимальных условий их использования в этнографических исследованиях. При этом под памятниками письменности понимались тексты прежде всего исторического (в т. ч. деревенские и городские хроники, поведенные записи и т. п.), литературного (в т. ч. произведения профессиональной литературы), бытового (в т. ч. переписка частных лиц, семейные альбомы), делового (в т. ч. актовые материалы) и тому подобного характера. Разрабатывая программу симпозиума, организаторы его строго не ограничивали тематику, место и время происхождения и бытования этих памятников, однако рекомендовали в большей степени сосредоточиться на памятниках XVIII—XX вв. как непосредственно предшествующих и сопутствующих этнокультурным процессам современности.

К участию в симпозиуме были приглашены этнографы, фольклористы, историки (в т. ч. историки культуры), литературоведы и представители других смежных научных дисциплин. Таким образом был обеспечен его междисциплинарный характер, что, в свою очередь, позволило включить в поле зрения специалистов-этнографов нетрадиционные для этнографической науки письменные источники, а также предложения по методике их разыскания и интерпретации.

В работе симпозиума участвовали ученые, представлявшие различные академические учреждения С.-Петербурга: Научно-исследовательский институт МАЭ, Институт востоковедения, Институт русской литературы, а также С.-Петербургский университет и Государственный музей этнографии. Среди участников симпозиума были ученые из других регионов Российской Федерации, из этнографических центров Латвийской и Эстонской республик.

Открывая симпозиум, А. С. Мыльников (С.-Петербург) отметил, что большие и пока еще недостаточно использованные в этнографических исследованиях информационные ресурсы памятников письменности в последние годы вызывают все больший интерес со стороны этнографов ряда зарубежных стран. Хотя в нашей стране в этой области имеется немало ценных публикаций, работа над ними велась и ведется разобщенно, как правило, без осознанно этнографической направленности, и лишена методического единства. А. С. Мыльников указал также, что в ходе симпозиума хотелось бы обсудить: 1) парадигмы народного сознания в отражении памятников письменности с выявлением, когда это возможно, их соотношения с материальными формами этнической культуры (например, синхронность письменных текстов и вещевого материала); 2) возможности, заключенные в памятниках письменности, для изучения генезиса этнического самосознания (утверждение общенационального самосознания, этнической идентификации и ментальности; роль межэтнических контактов и иных внешних стимулирующих факторов); 3) этнографические аспекты, включая этнографический субстрат и фольклорные истоки, произведений художественной литературы в контексте взаимосвязей различных социальных срезов культуры (элитарной, городской, крестьянской и т. п.); 4) вопросы этнокультурного источниковедения (методика эвристики, атрибуции, комментирования, экспонирования, музейного хранения и т. п.).

Б. Н. Путилов (С.-Петербург) в докладе «О специфике фольклорных материалов в этнографии» подчеркнул, что проблему «фольклор как этнографический источник» необходимо соотносить с пониманием фольклора как органической части этнографической действительности. Этнографы нередко опираются на фольклорные тексты, ставшие фактом книжной культуры, не используя в должной мере собственные полевые наблюдения; образцом правильного подхода являются, по мнению докладчика, исследования Бр. Малиновского, органически объединившего опыт этнолога и фольклориста. Б. Н. Путилов считает, что работа этнографа над опубликованными фольклорными текстами должна включать текстологическую критику, а главное — учитывать их жанровую природу, художественную специфику, функциональные связи, контекст, глубинную семантику, законы и правила сюжетообразования.

Весьма актуальные на сегодня вопросы организации хранения и обработки письменных памятников с помощью современной компьютерной техники освещались в докладе И. Г. Тихоновой (С.-Петербург). Наиболее широко применяемые системы — системы обработки больших текстовых массивов. Было отмечено, что в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН

разработана система научного описания рукописей, включающая в себя как три уровня описания, так и соответственно три уровня доступа к информации для поиска, выбора и анализа материала. Далее докладчица уделила значительное внимание каждому из уровней описания («карточного каталога», «печатного каталога» и исследовательскому), представив их детализированную характеристику и одновременно иллюстрируя общие моменты конкретными примерами. Кроме того, в докладе приводилась информация о программе «Письменные памятники Востока на территории СНГ», представляющая собой указатель (на магнитных дисках) имеющихся различных письменных памятников на многих восточных языках в фондах музеев, библиотек, архивов. К предоставляемой информации (адреса организаций, типы памятников — рукописи, литографии, киелографы и т. д., языки, количество и степень каталогизации) осуществляется доступ в удобной для специалиста форме.

В докладе К. В. Чистова (С.-Петербург) «Брачные обычаи восточно-славянских племен в „Повести временных лет“» была предпринята попытка историко-этнографического комментирования известного пассажа в начальной части памятника, восхваляющего брачные обычаи полян и обличающего остальные племена. «Поляноцентризм» летописца, как указал К. В. Чистов, объясняется тем, что они для него — образец христианского благонравия и противопоставлены «зверинским» и «поганым» обычаям других племен. Докладчик акцентировал внимание слушателей на том, что такой подход заставляет критически отнестись к явно гиперболизированным обличениям, построенным по модели Георгия Амартолы, на которого сразу же ссылается летописец. Между тем эти обличения породили целый ряд легенд, устойчиво сохраняющихся в научной традиции («умыкание» как нормальная и древнейшая форма брака для оседлых племен пашенных земледельцев, и наоборот, поведение полян по отношению к ближайшим родственникам как форма «избегания» и т. д.). Особый раздел доклада был посвящен толкованию ряда конкретных фраз, имеющих, по мнению К. В. Чистова, принципиальное значение и нуждающихся в тщательном анализе.

Вопрос об этнографических аспектах народных примет и специфике их функционирования в современной городской среде был затронут в докладе В. Н. Шапошникова (Н. Новгород), построенном на обширном конкретном материале, представляющем собрание многочисленных примет, бытующих среди различных возрастных и социальных групп горожан. Рассматривая народные приметы как один из этнопсихологических показателей, докладчик подробно остановился на проблемах их письменной фиксации. В докладе были также освещены различные этапы функционирования предсказательных знаков в народном сознании; рассказано о классификации предсказательных знаков по признаку цели и особенностей носителей; значительное внимание уделено трактовке примет в древнерусских летописях, а также вопросам отражения их в произведениях художественной литературы.

Проблема бытования лечебных заговоров в рукописной традиции Русского Севера была рассмотрена в докладе Н. Е. Грысык (С.-Петербург). Обратив внимание слушателей на то, что проблема эта до сих пор остается неизученной, докладчица остановилась на трех аспектах темы: 1) текстовая форма заговоров; 2) функциональные признаки бытования заговоров; 3) рукописные варианты как способ передачи и сохранения рукописной традиции. Основное внимание в докладе сосредоточено на различных вопросах бытования рукописных лечебных заговоров в среде современного сельского населения. Н. Е. Грысык считает, что существование рукописной традиции следует рассматривать как один из факторов, способствующих сохранению заговорной традиции Русского Севера и малозначимости текстов.

Доклад С. А. Старостенкова (С.-Петербург) «Написи на русских колоколах» был также посвящен малоисследованной теме — колокольной эпиграфике. Этот вид русского эпиграфического наследия не систематизирован и даже не зафиксирован достаточно полно, образцы его практически не публиковались. Материалы, приведенные в докладе, были собраны докладчиком в Санкт-Петербурге, Новгороде и Новгородской области и в меньшей степени в Москве. С. А. Старостенковым была предложена достаточно аргументированная классификация надписей и предпринята попытка их характеризовать их репертуар. В заключительной части доклада дается этнографический комментарий к надписям, нанесившимся на колокола, отлитые «по обету» и «за упокой души». Последние, как отметил докладчик, тесно связаны с культом покойников и с народными представлениями об умерших неестественной смертью.

Х. Э. Уйбу (Таллинн) выступила с докладом «Крестьянское хозяйство и крестьянская семья в Эстонии XIX века в памятниках письменности», представляющим собой интересное историко-статистическое исследование, содержащее наряду с данными экономического характера обширный этнографический материал. В качестве основного источника были использованы ревизские сказки, которые докладчик рассматривает прежде всего в целях выяснения важных сторон историко-демографических процессов. Автор попытался также проверить данные ревизских сказок данными метрических книг, для чего наряду с основным источником использовал и некоторые дополнительные источники: материалы разных судебных инстанций, наблюдения современников, а также сохранившиеся в фондах этнографического музея (Эстонский Национальный музей) материалы исторических преданий, собранные корреспондентами музея; при исследовании были использованы рукописи, хранящиеся в Эстонском фольклорном архиве, и тексты народных песен.

В докладе Г. М.-Р. Оразаева (Махачкала) «Этнографические материалы в тюркоязычных рукописях Дагестана XVIII—XX вв.» сообщалось о разнообразных рукописных материалах, созданных в Дагестане в указанный период с помощью арабской графики, главным образом на кумыкском и частично на ногайском и азербайджанском языках, а также на языке книжно-письменного употребления — северо-кавказском тюрки. Письменные источники, в которых содержатся этнографические сведения, докладчик предложил классифицировать следующим образом: 1) записи авторов-

любителей, имевших специальную цель зафиксировать в своих работах этнографические данные; 2) записи, авторы которых не стремились сознательно к этой задаче, однако в той или иной мере представили в своих текстах этнографические материалы. Как было отмечено докладчиком, в жанровом отношении в изучаемом регионе встречаются сочинения нарративного характера, краткие памятные (хронологические) записи, эпистолярные памятники (частная и деловая переписка) и др.; по мнению Г. М.-Р. Оразаева, интересные результаты может дать также установление профессиональной принадлежности авторов текстов.

С. Я. Цимерманис (Рига) рассказал о возможности использования рисунков швейцарского художника Иоганна Рудольфа Штурна (члена посольства немецкого императора Леопольда I в 1661 г.) в качестве источника для этнографических исследований. И. Р. Штурн — подлинный создатель альбома рисунков, известного под названием «Альбом Майерберга...», частично опубликованного в России в 1827 г. Ф. Аделунгом и в 1903 г. А. Суворовым. В докладе приводились неизвестные до сих пор данные об И. Р. Штурне, доказывавшая высокая достоверность его рисунков, указывались их недостатки, говорилось о существенных и несущественных ошибках, допущенных в изданиях альбома 1827 и 1903 гг. Докладчик убедительно указал на неиспользованные научные возможности этнографического анализа работ И. Р. Штурна, хранящихся в фондах Музея истории и реконструкции Москвы.

И. А. Осницкая (С.-Петербург) прочитала доклад «Семейные альбомы XVIII в. как источник реконструкции родовой генеалогии». В качестве объекта исследования были избраны рукописные альбомы предков крупнейшего советского ученого-африканиста, чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогте, которые явились надежным источником для восстановления истории семьи в XVIII в. В частности, на основании скрупулезного изучения одного из таких документов — альбома Генриха Вильгельма Ольдерогте 1762—1770 гг. удалось выяснить состав семьи, а также восстановить два ранее неизвестных ее звена и таким образом связать разорванную дотоле цепь голштейнских и рижских Ольдерогте. Альбомы, подчеркнула И. А. Осницкая, следовало бы изучить и как документы эпохи, рисующие систему образования с присущим ему синтезом искусства и науки, культуrom разума и республиканскими настроениями. В этнографическом отношении особый интерес представляют имеющиеся в альбомах рисунки, среди которых есть изображения крестьянского двора с колодезем, господского каменного дома и др.

В докладе Г. А. Левинтона (С.-Петербург) «Фольклорный и ритуальный фон пушкинской сказки „Царь Никита и 40 его дочерей“» были прослежены пути разысканий возможных фольклорных и литературных источников (как славянского, так и западноевропейского происхождения) известного произведения А. С. Пушкина. Материалы доклада были опубликованы до начала симпозиума. См.: Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. «Что за дело им — хочу...». О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 28—35.

В докладе А. Н. Анфертьева (С.-Петербург) «Древнейшая письменная фиксация эпической традиции о Германарихе (Иордан, „Генетика“, VI в. н. э.)» была поставлена задача проследить начальные этапы складывания легенды о гибели остготского короля. Общетеоретическое значение этой задачи обуславливается тем, что ее решение позволило бы оценить скорость художественного преобразования исторического материала в устных и письменных (парафольклорных) текстах и циклизации изначально не связанных собой сюжетов. В научной литературе преобладает мнение, будто сохраненный Иорданом сюжет о гибели Германариха (Эрманарика) от рук Сара и Аммия (Серли и Хамдира древнескандинавских текстов) радикально расходится с позднейшей традицией. Новое понимание латинского текста, предлагаемое докладчиком, позволяет видеть у Иордана и в шитовой «Драпе о Рагнаре» скальда Браги Старого единую сюжетную канву, а в эддических «Речах Хамдира» — более позднюю переработку предания. В основе иордановского варианта лежал, в конечном счете, письменный источник на готском языке, возможно, недалеко отстоявший по времени от предполагаемой, хотя и не очень надежной, даты смерти исторического Эрманарика (середина второй половины IV в. н. э.).

Интересным продолжением темы предыдущего сообщения прозвучал доклад Ю. К. Бегунова (С.-Петербург) «Сказание о Германарихе и восточнославянские параллели к нему в записи ростовского крестьянина А. Я. Артынова (XIX в.)». Докладчик рассказал о непрофессиональном собирателе русского фольклора из села Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии, который оставил после себя тысячи парафольклорных текстов — преданий Древней Руси. В числе последних особый интерес представляет ростовское сказание о Царь-девице Лизихе, которая якобы пала жертвой преследований заморского короля Елоуса (Германариха). В другом тексте из сборника А. Я. Артынова — «Князь Лукий Вер и княжна Гда» — сохранилось повествование о том, что Эрманарик прозвучал также вторым Александром Македонским. Здесь рассказывается о его походе в Мирянскую землю, где он казнил знаменитую роксоланскую красавицу Сонильду, за что после был заколот ее братьями в Сарском городке. Как считает докладчик, по-видимому, оба новонайденных текста — отражают старшую традицию готских преданий о короле Германарихе, но без северогерманских и бургундских добавлений. Любопытно, что литературная обработка этого предания бытовала в ростовской письменности в XIII—XVII вв., пока не попала в руки литераторов Мусиных-Пушкиных. В середине XVII в. оно было отредактировано и помещено в сборнике Мусина-Пушкина второй половины XVII в. Таким образом, русская фольклорная традиция способствовала сохранению древних готских исторических преданий. В заключение Ю. К. Бегунов указал на то, что богатые рукописные материалы А. Я. Артынова представляют собой ценный этнографический источник — в них содержатся многочисленные записи текстов песен, преданий, топонимических легенд, описания местных обычаев и

обрядов; между тем с этнографических позиций артыновское рукописное наследие до сих пор почти не изучалось.

В докладе И. К. Федоровой (С.-Петербург) на конкретных примерах было доказано, что уникальные деревянные дощечки кахау ронгоронго с иероглифическими письменами, создание рапануйцев, коренных жителей острова Пасхи — ценнейший этнографический источник. В них содержатся материалы о древних традициях и этнографических реалиях, характерных для жизни островитян в доевропейские времена; представлены, в частности, сведения о природе острова, быте и обычаях рапануйцев, об их социальной структуре (названия каст, титулы вождей, обязанности данников, а также слуг глав больших семей). В конспективной форме, напоминающей тексты сакральных песнопений, на дощечках записаны эпизоды мифов и исторических преданий. При этом знания, извлеченные в результате трудоемкой и кропотливой филологической работы из письменных источников, и информация, полученная учеными и путешественниками от самих островитян, дополняют друг друга, что, естественно, подтверждает достоверность получаемых данных, а также, как подчеркнула И. К. Федорова, является одним из доказательств, что кахау ронгоронго — достояние древней культуры о. Пасхи.

На примере библиотеки А. Н. Пыпина, переданной в 1902—1906 гг. в Этнографический Отдел Русского Музея и находящейся ныне в собрании Государственного музея этнографии Г. И. Сергеева (С.-Петербург) рассмотрела вопрос о возможном использовании личных библиотек ученых в этнографических исследованиях. В докладе был дан анализ содержания библиотеки, включавшей такие издания, как фундаментальный труд ученого «История русской этнографии» в 4-х томах, снабженный неизданным до настоящего времени Указателем русской этнографической литературы (хранится в научном архиве ГМЭ), содержащем источники по различным проблемам этнографии, юридическому праву, истории русского фольклора, истории РГО, географо-статистическому описанию России, по истории программ для собирания сведений этнографического характера, издававшихся в России с 1852 по 1905 г., и др. Важным источником для изучения местностей служат переданные А. Н. Пыпиным в библиотеку музея издания губернских статистических комитетов, материалы для изучения экономического быта крестьян и другие исследования. В заключительной части доклада был рассмотрен вопрос о методике, использованной при изучении библиотеки А. Н. Пыпина, и о возможностях ее применения для изучения аналогичных источников.

Подводя итоги двухдневного симпозиума, А. С. Мильников отметил, что 15 заслушанных докладов еще раз подтвердили научную значимость и практическую актуальность проблем изучения письменных источников для этнографической науки. Об этом свидетельствовала нетрадиционность постановки вопроса, характерная для многих докладов, вызвавших между участниками симпозиума оживленные дискуссии.

По общему мнению присутствовавших, проблематика симпозиума нуждается в дальнейшей разработке. Было решено и впредь периодически проводить научные заседания, посвященные этой теме, расширяя круг обсуждаемой проблематики и продолжая плодотворную традицию междисциплинарного подхода к изучению письменных источников.

М. А. Рубцова